

© 2024 г.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ РАМКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ /

Под ред. В.А. Авксентьева, М.М. Шульги.

Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН, 2022.

Рецензируемая книга посвящена анализу идентификационных процессов на Северном Кавказе с точки зрения проблем укрепления российской идентичности в этом многоконфессиональном и полиэтническом макрорегионе. В настоящее время основная проблема в сфере политики идентичности состоит в сохранении баланса между двумя разнонаправленными задачами, заявленными в Стратегии государственной национальной политики РФ. С одной стороны, сформировать консолидированную и интегрированную политическую нацию (россиян), предполагающую, согласно конструктивистской теории нации, на которую опираются авторы, достижения до определенной степени культурной однородности населения всей страны. С другой – содействовать сохранению этнокультурного разнообразия в российском обществе. То есть перед российским государством стоит задача пройти между Сциллой и Харибдой этих двух разнонаправленных тенденций общественного развития (с. 8). Однако в случае дисбаланса государственной национальной политики в сторону чрезмерной культурной гомогенизации населения всей страны авторы, похоже, не видят никаких проблем. Но сохранение первичности этнической идентичности для многих жителей северокавказских республик, а также усиление религиозного (исламского) самосознания, авторы книги называют главной проблемой в сфере политики идентичности на Северном Кавказе (с. 189). Поэтому работу предваряет утверждение о том, что главным приоритетом национальной политики Российской Федерации является укрепление гражданского самосознания (с. 9), что в целом бесспорно.

Обосновывая актуальность исследования, авторы пишут, что Северный Кавказ сегодня представляет собой общество риска, в котором на фоне стабилизации обстановки сохраняются латентные конфликты, территориальные претензии и протестные настроения. Поэтому одной из наиболее актуальных задач в области политики идентичности, под которой авторы понимают целенаправленное воздействие государства и/или других субъектов этой деятельности на общество для поддержания чувства солидарности и личной принадлежности к определенной макросоциальной общности, является дальнейшая интеграция Северного Кавказа в российское социокультурное (цивилизационное) пространство (с. 19). И достигнутые результаты в формировании государственной идентичности, и динамика институциональных и социокультурных изменений в северокавказских республиках требуют серьезного научного осмысления.

Авторы постарались комплексно подойти к изучению проблем идентичности на Северном Кавказе и использовали целый ряд методов сбора и анализа социологической информации: экспертные опросы (во всех субъектах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО)); контент-анализ тематических региональных нормативных актов; обзор

региональных историографий за последние годы (с целью определения нарративов, на основе которых формируется сегодня коллективная историческая память населения СКФО). Выявление особенностей репрезентаций жителями северокавказских республик своих социокультурных идентичностей в повседневной жизни осуществлялось методом включенного наблюдения и экспертного опроса (с целью определения потенциальных возможностей использования для формирования и символизации российской идентичности). Верификация наиболее проблемных результатов эмпирических исследований проводилась с помощью экспертных фокус-групп.

Анализируя уровень российской идентичности на Северном Кавказе по материалам экспертных опросов, авторы заявляют, что идентификационные процессы в регионе характеризуются «конкуренцией» различных типов идентичности (с. 36). В книге речь идет об этнической, конфессиональной и общероссийской (применительно к государственно-гражданской идентичности авторы используют термин «общероссийская», который можно заменить термином «российская») идентичностях. В целом надо сказать, что многие авторы-социологи, изучающие состояние и динамику этих групповых идентификаций на Северном Кавказе, уже на этапе разработки инструментария исследования закладывают ту самую «конкуренцию», ставя перед респондентами задачу определиться с первоочередной групповой идентификацией. В таких работах, например, усиление религиозного самосознания среди молодежи северокавказских республик однозначно трактуется как снижение государственно-гражданской идентичности, хотя обратный процесс вряд ли трактуется учеными исключительно как признак укрепления российского самосознания. Согласно результатам экспертного опроса, которые представлены в книге, субъекты СКФО РФ по критерию развитости российской идентичности в массовом сознании населения делятся на две группы. Первая группа включает Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию-Аланию и Ставрополье, среди трех перечисленных макросоциальных идентичностей лидирует российская, этническая на втором месте, а конфессиональная – на третьем. Во второй группе регионов, куда входят Дагестан, Чечня и Ингушетия, российская идентичность занимает наименьшую долю в «портфеле идентичностей» их жителей. В Дагестане и Чечне опрос фиксирует преобладание конфессиональной идентичности, а в Ингушетии – этнической идентичности (с. 31). В этих республиках, действительно, как по наблюдениям за повседневной жизнью, так и по выводам ряда исследователей, уровень религиозности среди мусульманского населения растет (по крайней мере ее внешние признаки). Исследователи отмечают, что выросло поколение молодых людей, считающих религию неотъемлемой частью своей жизни. Сильно развитая и актуализированная религиозная (исламская) идентичность постоянно стремится выйти в сферу социальных и политических отношений, определяя симпатии и солидарности людей, а также их политическое поведение. Поэтому в политике идентичности важно не допускать противопоставления религиозной идентичности государственно-гражданской, чего так активно добиваются акторы, нацеленные на разрушение российской идентичности в северокавказских республиках. Очевидно, нужна политика идентичности, направленная на гармоничное сочетание государственно-гражданской и исламской идентичностей в массовом сознании россиян-мусульман. И вряд ли концепция «конкуренции» гражданской, религиозной и этнической идентичностей может служить научной основой такой политики.

Во второй главе анализируются институциональные и исторические рамки формирования российской идентичности на Северном Кавказе, среди которых базовое значение придается институциональным, т.е. нормативно-правовым рамкам. Тематические официальные документы субъектов СКФО РФ анализируются авторами с точки зрения соответствия их содержания цели формирования российской идентичности. Обобщая предмет (официальные тематические документы) и метод (контент-анализ) исследования, авторы пишут, что на нормативном уровне процесс институционализации идентичности регулируется через политику правительства и формализуется в нормативно-правовых актах, образуя институциональные рамки, внутри которых проходят процессы развития

различных форм идентичности (с. 39). Документальную базу исследования составили конституции северокавказских республик и Устав Ставропольского края, региональные законы об образовании, молодежи, языках, культуре, а также нормативные документы, закрепляющие цели, принципы и приоритеты реализации национальной политики (всего 59 документов). Категориями контент-анализа были определены: этнонациональные основы государственности, национальная политика, языковая политика, образовательная политика, патриотическое воспитание, культурная политика, молодежная политика. Выбор таких рубрик, пишут авторы, обусловлен пониманием процесса формирования идентичности как процесса, направляемого и регулируемого государством и различными его институтами в рамках политики идентичности (с. 40). В итоговой таблице в книге отражены количественные параметры отобранных единиц анализа, распределенные в двух смысловых столбцах: способствует институционализации общероссийской или этнокультурной идентичности на Северном Кавказе. Как и следовало ожидать, акцент на развитии российской идентичности более выражен в текстах, относящихся к категориям патриотического воспитания и молодежной политики, тогда как языковая политика и культурная политика в большей степени способствуют институционализации этнокультурной идентичности на Северном Кавказе. В остальных категориях контент-анализа (образовательная политика, национальная политика и этнонациональные основы государственности) сохраняется баланс в плане содействия институционализации изучаемых форм идентичности, что соответствует выполнению двуединой задачи государственной национальной политики по развитию российского (гражданского) единства при сохранении этнокультурного многообразия. Региональные власти на Северном Кавказе, пишут авторы, в качестве основных направлений патриотического воспитания определяют: формирование общегражданского российского самосознания, распространение культуры межнационального общения, формирование готовности выполнять гражданский и воинский долг. Такую же направленность имеют документы в области молодежной политики, где ставятся задачи воспитания молодежи на принципах консолидации и гражданского согласия, формирования глубоко нравственного, ответственного, креативного, инициативного и компетентного гражданина России (с. 44). Но насколько эффективны практические усилия северокавказских региональных властей, направленные на патриотическое воспитание молодежи? Зачастую цели и приоритеты, заявленные в официальных документах, так и остаются формальными лозунгами.

Рассматривая исторические рамки и политику памяти в контексте задач укрепления российской идентичности на Северном Кавказе, авторы видят главной задачей государства в этой сфере формирование единой версии политической истории, чтобы сбалансированное понимание и восприятие исторического прошлого скрепляло граждан в нацию (с. 89). Но бесконечные «войны историков» и постоянная актуализация исторических травм, пережитых северокавказскими этническими группами в имперский и/или советский периоды существования Российского государства, являются серьезным препятствием на пути к выработке взаимоприемлемой версии общей истории. Анализ публикаций северокавказских ученых по тематике исторической памяти на Северном Кавказе, проделанный авторами книги, показал, что основными ее рубриками являются: Кавказская война, политическая история, политика советской власти на Северном Кавказе, Великая Отечественная война, депортация, культурная революция. Рассмотрев большой массив научных текстов, посвященных исторической памяти на Северном Кавказе, авторы не смогли сделать однозначных выводов о влиянии научного сообщества (историков) на формирование российской идентичности. С одной стороны, большинство важнейших рубрик исторической памяти региона – Кавказская война, политика советской власти в постреволюционный период, депортации – трактуются чаще всего как исторические травмы. С другой стороны, авторы пишут, что анализ публикаций по истории Северного Кавказа выявил постепенное укрепление консолидирующих трендов и в осмыслении трагических исторических событий и процессов (с. 139).

Далее следует анализ символической составляющей политики идентичности. Используя метод экспертного опроса, авторы провели ревизию всевозможных региональных символов, потенциально применимых в деле укрепления российской идентичности в сложном социокультурном пространстве Северного Кавказа. В качестве таковых участники опроса (эксперты) перечислили многочисленные природные объекты, популярные туристические локации, архитектурные комплексы, народные (этнические) традиции и праздники, памятные даты и многое другое. Но, похоже, количество предложенных респондентами региональных символов единения нации пока не перешло в качество, раз авторы пишут, что региональные векторы символической политики раскрыты и реализованы не в полной мере (с. 191). В работе констатируется, что большая часть объединяющего символикосемантического поля относится к прошлому, а современность представлена фрагментарно (с. 151). Вероятно, специальная военная операция внесет свои коррективы в репрезентацию современности в символической политике государства: в одном только Дагестане на начало 2024 г. девять уроженцев республики удостоены звания Героя России (некоторые из них – посмертно). Выявляя, опять же методом экспертного опроса, ключевых акторов формирования российской идентичности на Северном Кавказе, исследователи обнаружили, что главными субъектами укрепления государственно-гражданской идентичности на современном этапе являются органы государственной (федеральной) власти, система образования и СМИ (с. 159). Разумеется, центральная власть ставит перед системой общего образования задачу воспитания патриотического (или хотя бы лояльного) гражданина, а также выстраивает соответствующую информационную политику, реализуемую подконтрольными СМИ. Но чтобы раскрыть общую картину экспертных суждений относительно идентификационных процессов на Северном Кавказе, было бы интересно задаться вопросом: а какие субъекты наиболее активны в формировании альтернативного, прямо скажем, антироссийского самосознания среди жителей этих регионов? Ведь на Северном Кавказе политикой идентичности занимаются различные акторы не только в целях усиления, но и в целях ослабления и разрушения российской идентичности, особенно среди молодежи, которая, как мы видим, все чаще становится объектом деструктивного информационно-психологического воздействия.

Последняя глава книги посвящена анализу и описанию репрезентации этнической и российской идентичностей в северокавказской повседневности. Этот раздел книги написан по материалам (дневникам) включенного наблюдения повседневных практик межэтнического взаимодействия, которое проводилось в Дагестане, Карачаево-Черкесии и Ставрополье в течение трех месяцев 2020 г. Выявлено, что основными способами репрезентации своей этнической принадлежности на Северном Кавказе являются: использование родного языка в публичном пространстве, следование этническим традициям и обычаям, демонстрация всевозможной атрибутики своей этнической и религиозной принадлежности, а также различные формы выражения гордости за свою национальность (этничность). Гражданская же идентичность наиболее наглядно репрезентируется с использованием элементов российской символической системы. Маркерами принадлежности к российскому символическому пространству, согласно наблюдениям, являются: использование государственной символики РФ, чествование героев России, сохранение памяти о героях Великой Отечественной войны. На поведенческом уровне к особенностям репрезентации российской идентичности наблюдатели отнесли: проведение благотворительных акций, службу в вооруженных силах РФ, соблюдение законов РФ, вовлеченность в общее медиапространство страны и проявление интереса к новостям федеральным, толерантное отношение к представителям иных культур и религий, увеличение (по субъективным оценкам наблюдателей) числа межэтнических браков, патриотическое воспитание детей и др. (с. 187–188).

В заключение авторы изложили свое видение проблемных аспектов и приоритетов государственной политики идентичности на Северном Кавказе, сконцентрированных сегодня в сфере образования, культурной политики, в политике памяти, а также в области

символической политики. В целом книга, несомненно, вносит большой вклад в столь важный с научной и практической точки зрения дискурс о российской идентичности, содержит уникальные социологические данные об идентификационных процессах в северокавказских региональных социумах. Авторами проделан комплексный и честный анализ проблемных аспектов укрепления российской идентичности, а также разработаны научно обоснованные рекомендации по повышению эффективности политики идентичности, проводимой государством на Северном Кавказе и в стране в целом.

А.З. АДИБЕВ

АДИЕВ Асланбек Залимханович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия (khalid_84@mail.ru).

INSTITUTIONAL, HISTORICAL, AND CULTURAL FRAMEWORKS OF SHAPING THE ALL-RUSSIAN IDENTITY IN THE NORTHERN CAUCASUS / Ed. by V.A. Avksentiev, M.M. Shulga. Rostov-on-Don: YuNC RAN, 2022.
Reviewed by A.Z. ADIEV

DOI: 10.31857/S0132162524100163

Aslanbek Z. ADIEV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Regional Centre for Ethnopolitical Researches of the Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia (khalid_84@mail.ru).

Acknowledgement. The article written as part of the Program of scientific research related to the study of the ethno-cultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023–2025 (Headed by Academician of RAS V.A. Tishkov). Project “Patriotism as an integrating value of a multi-ethnic Russian society” (FSRN-2023-0025).

© 2024 г.

ГОРОДСКИЕ МИРЫ РОССИИ И КИТАЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ / Отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, П.М. Козырева, М.Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. М.: «Новый Хронограф», 2023.

Рецензируемая монография посвящена актуальным вопросам социологии города – изучению основных аспектов жизнедеятельности и модернизации городов России и Китая. Необходимость подобного исследования обусловлена тем, что развитие экономики в цифровую эпоху привело к резкому росту мегагородов, повлекшему за собой схожие в обеих странах проблемы неэкономического характера, имеющих в основании изменения общественного сознания, социальных взаимоотношений и требующих неотложного решения. Эта ситуация давно требовала глубокого научного осмысления для поиска оптимальных решений проблемных вопросов, что и является одной из важнейших целей рецензируемой монографии. Совместный труд российских и китайских исследователей – результат научного сотрудничества и давних дружеских отношений между двумя странами. Монография содержит глубокий комплексный анализ городской жизни в России и Китае, при этом одним из достоинств исследования является не только наличие наглядных материалов (схем, таблиц, рисунков), иллюстрирующих научные сведения, но и продуманная структура исследования, отражающая основные принципы